

## **АДЫГСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОБЫТИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА 1917-1920 гг.: СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ**

**З.Я. Емтыль**

Одним из наиболее значительных явлений истории XX века, предопределивших сложные трансформационные процессы не только в центре, но и национальных окраинах России, стали революционные события 1917-1920 гг. Переломный характер революционных преобразований в России и роль интеллигенции в них определили устойчивый научный интерес к проблеме «интеллигенция и революция». Однако данная проблема так и не стала предметом специального исследовательского внимания в адыгском контексте, несмотря на заметную политическую активность, проявленную национальной интеллигенцией в условиях распада империи и противоборства различных социальных сил и идейно-политических течений.

Хотя специальных исследований по проблеме не имеется, она с разной степенью полноты нашла отражение в работах по истории революционного движения и Гражданской войны на Северном Кавказе. При этом стоит отметить, что характерной особенностью освещения темы в советской историографии было присутствие большого числа идеологических штампов. Их преодоление обогатило возможности разработки темы, что отразилось в появлении ряда исследований, основанных на новых подходах и введении в научный оборот ранее не изученных материалов, позволяющих значительно расширить границы видения проблемы [1; 10; 11; 14; 17].

Крушение основ прежнего порядка в 1917 г., масштаб революционных потрясений и неопределенность их конечного результата поставили народы России перед необходимостью активного осмысления происходивших событий и поиска путей дальнейшего общественно-политического развития. Во главе этого процесса стояла национальная интеллигенция. Специфические условия существования адыгов определили тот факт, что центральной вопросом их общественной жизни стал национальный вопрос. В новых политических обстоятельствах интеллигенция ощутила не только возможность создания условий для сохранения национальной, культурной самобытности своего народа, но и его самоопределения.

Буржуазные свободы, под знаменем которых произошла революция порождали надежды, связанные с организацией национальной жизни. Политические силы, преследовавшие цели «глобального» общественного переустройства следили за этими процессами, оценивая проблемы и возможные ресурсы для реализации собственной стратегии. Характеризуя политическую ситуацию на национальных окраинах в этот период И.В. Сталин справедливо отмечал общую тенденцию: «Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся «старым режимом» национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнета» – таков

был лозунг движения... Во главе движения шла национальная буржуазно – демократическая интеллигенция» [23, с. 156].

Активно включившаяся в политические процессы национальная интеллигенция продемонстрировала понимание того, что все северокавказские народы должны консолидировать свои усилия в борьбе за повышение своего статуса не только на уровне отдельных областей и этносов, но и всего региона. Подтверждением тому служит создание весной 1917 г. в Петрограде Особого Комитета горцев Северного Кавказа. В него вошли представители демократической интеллигенции региона, озабоченные судьбами своих народов, не желавшие упускать благоприятный момент для национально-демократического развития края [15, с. 96]. Двое из десяти его членов были адыги: Айтек Намитоков и Измаил Алтадуков [27, л. 143].

В специальном обращении Комитета к горцам Северного Кавказа подтверждалась необходимость объединения всех северокавказских народов на пути самостоятельного развития [27, л. 143]. Понимая судьбоносность текущего исторического момента, члены Комитета стремились в максимальной степени использовать сложившиеся политические обстоятельства в интересах горцев. Они настаивали на немедленном создании постоянных органов местного самоуправления на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования с тем, «чтобы быть готовыми к организации на правильных началах выборов в Учредительное Собрание», в котором горцы «должны быть представлены достойным образом» [27, л. 143]. Свое предназначение члены Комитета видели во «всестороннем использовании своего пребывания в столице, в центре политической жизни страны, в смысле непосредственного немедленного отстаивания перед правительственными учреждениями и руководящими политическими организациями выдвигаемых текущим моментом требований или интересов горцев...» [27, л. 143].

Особо отмечалась необходимость организационного оформления движения горцев за свои права. При этом рекомендовалось не ограничиваться созданием национальных или племенных комитетов. Отмечалась значимость создания горских областных организаций [27, л. 143].

Безусловно, содержание и направленность общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции в революционных условиях определялись во многом внешними факторами. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил она пыталась заручиться поддержкой тех, кто, по ее мнению, мог способствовать обеспечению адыгских национальных интересов. О политических настроениях адыгской интеллигенции красноречиво свидетельствует признание известного мусульманского просветителя Н. Цагова о том, что в эти годы он отдавал себя исключительно «на службу узконациональному вопросу и был большим националистом» [24, с. 185].

Политическая ситуация в стране диктовала ориентацию на прагматичное поведение. В тоже время адыгская интеллигенция оставалась гораздо более индифферентной в отношении классовой и социально-экономической политики борющихся за власть политических сил. Данный факт определялся как

значимостью проблемы национального самосохранения, так и классовой природой интеллигенции, в которой преобладали выходцы из социальных верхов адыгского общества.

Основная часть адыгских общественных деятелей выступила с поддержкой буржуазно-демократических преобразований в стране. Ее идейными лидерами стали в Адыгее Б. Шарданов, А. Намитоков, М. Гагагогу, в Кабарде П. Коцев, Г. Сохов, М. Абуков, З. Даутоков-Серебряков. Они были убеждены в том, что самоуправление и автономию адыги могут получить путем сотрудничества с Временным правительством [21, с. 8].

В результате была развернута активная деятельность по «вхождению» в новые органы власти. 8 марта 1917 г. в Екатеринодаре состоялось собрание горцев Кубанской области, которое выразило признание новой власти и готовность сотрудничества с ней. На собрании были обсуждены вопросы, связанные с оказанием поддержки новой власти и укреплением ее позиций на местах [21, с. 8].

По мере развертывания революции на фоне углублявшихся противоречий, все четче стала осознаваться необходимость консолидации усилий всех горских народов Северного Кавказа в целях реализации национальной автономии. 1 мая 1917 г. во Владикавказе состоялся I съезд горских племен Северного Кавказа. Съезд вынес решение об образовании Союза объединенных горцев и племенных образований. Основой для объединения северокавказских народов являлась компактная территория их расселения, близость исторических судеб, культур, обычаев, религии, идентичность национальных проблем [16, с. 195].

На съезде был избран Временный Центральный Комитет объединенных горцев. В результате стремление горских народов к самоопределению и образованию национальной автономии нашло свое выражение в создании «Союза объединенных горцев» [1, с. 35].

Важным итогом деятельности I съезда горских народов Северного Кавказа стало принятие политической программы и Конституции «Союза объединенных горцев». В программе союз высказался за федеративный принцип государственного устройства России. Целью деятельности Союза было признано создание горской национально-территориальной автономии в составе Российской федеративной демократической республики. Выражалась уверенность, что только союз организованных горцев сможет через своих представителей осуществить «эту великую задачу» [22, с. 50]. При этом каждый из народов признавался автономным в области своих внутренних народнохозяйственных интересов [22, с. 51].

Делегаты съезда высказались в поддержку Временного правительства. Важно отметить, что съездом была определена политика сотрудничества с казачьими верхами, которые также добивались поддержки горцев. В течение мая – ноября 1917 г. Союз объединенных горцев фактически консолидировал общенациональное движение, став первым опытом по проектированию национально-государственного развития народов Северного Кавказа. Он играл роль основного законодательного органа общенационального самоуправления в защите общих для всех горских племен политических, социальных и культурно-национальных интересов [16, с. 195].

Острота «политического момента» в свою очередь приводила к стремлению со стороны Временного правительства объединить все политические силы Северного Кавказа, что требовало поиска компромиссов с национальной элитой горских народов. Комиссар Временного правительства на Кубани К. Бардиж сформировал Кубанский областной исполнительный комитет, ставший органом временного правительства на Кубани. В его состав, наряду с казаками и иногородними, вошли адыги П. Коцев и П. Султанов.

Впервые в истории существования в рамках российского государства адыги получили возможность непосредственного участия в составе региональных органов власти и возможность влиять на политику местных властей. Это вызвало воодушевление у адыгской интеллигенции, вселяя оптимизм по поводу возможности положительного решения вопроса об организации самоуправления.

3 апреля 1917 г. по инициативе горской интеллигенции в станице Баталпашинской был созван съезд уполномоченных мусульманского населения. Съезд признал Временное правительство как высший орган государственной власти в России и «для упорядочения гражданской правовой жизни горцев» постановил образовать гражданские комитеты на местах (в то время опору Кубанско-буржуазного правительства) и избрал в Кубанский временный Исполнительный Комитет двух представителей от адыгов [19, с. 43].

Почувствовав некоторую политическую свободу, адыгская интеллигенция принялась за осуществление одной из своих давних целей, заключавшейся в повышении политической значимости своего народа. На состоявшемся в конце марта начале апреля 1917 г. в городе Новороссийске Съезде горской интеллигенции края было принято решение о необходимости издания газеты «Горская жизнь», которая должна была вести работу по разъяснению горцам их прав, стать «трибуной, с которой могло бы раздаваться слово, имеющие какое либо отношение к горской жизни» [17, с. 96]. Одной из целей газеты была признана необходимость ознакомления широких кругов русского общества с жизнью своего народа. Таким путем предполагалось сформировать «правильное отношение» к адыгам со стороны других этнических групп [17, с. 96].

Осознавая настороженность казачьих верхов по поводу стремления к национальному самоопределению, адыгские общественные деятели на первых порах всячески пытались завуалировать свои политические цели. В этой связи на состоявшемся в Екатеринодаре собрании горцев Кубани было заявлено об отсутствии со стороны горцев стремления «к какому-либо особому краевому выделению или автономии» [15].

Обострившиеся к лету 1917 г. политические противоречия между Советами и органами Временного правительства неизбежно приводили к нарастанию в центре анархии, что не могло не приводить к радикализации общественных настроений. Стремясь оградить Северный Кавказ от влияния большевиков и нарастания революционного движения, политически ангажированная часть адыгской интеллигенции пошла на сближение с

лидерами казачества. Ею была развернута широкая агитационная работа в поддержку Кубанского Войскового правительства.

Следует заметить, что инициатива в сближении с горцами принадлежала казакам, которые стремились создать на Кубани твердую базу для борьбы с радикальными партиями и в первую очередь с большевиками. С апреля 1917 г. наблюдался «приток» в аулы «агитаторов», проживавших ранее в городе, занимавшихся «обработкой» аульской интеллигенции в духе, «угодном» Кубанскому Войсковому Правительству и выступавших за союз с казачеством, стремясь тем самым вовлечь адыгов в гражданскую борьбу [19, с. 45].

Если попытаться уйти от идеологических штампов, сложившихся в советской историографии, то следует признать, что главной причиной сближения политически активной части адыгов с казачеством была не близость «классовых интересов», а стремление в условиях нараставшего в стране политического хаоса, слабости центральной власти найти в казачестве реальную политическую силу, союз с которой позволил бы достигнуть собственных политических целей.

С 10 по 17 августа 1917 г. в ауле Хакуринохабль проходил съезд адыгов Кубанской области. Повестка дня съезда включала наиболее значимые для общества вопросы: о текущем моменте, о судебной реформе у горцев, о местном самоуправлении, о духовном управлении, об отношении горцев Кубанской области к абхазскому народу, о турецко-подданных горцах Кубанской области, о горцах – переселенцах в Турцию, о народном образовании и аграрный вопрос [6, л. 240].

В частности, заслушав доклад С. Шахим Гирея о национально-политических задачах горцев, съезд признал необходимой формой правления демократическую республику на территориально-федеративных началах областной автономии [6, л. 240].

Учитывая объективно существовавшую сложность определения административно-территориальных границ на Северном Кавказе, особого внимания заслуживает предложенный участниками съезда способ выделения автономии горцев. В соответствии с ним, при введении автономии областей на Северном Кавказе предлагалось изменить существующее административно-территориальное деление на области и отделы в соответствии с экономическим тяготением и национальными особенностями населения.

Горские племена Кубанской области в виду разбросанности их по отделам и невозможности сгруппировать на единой территории предлагалось выделить в особые округа с главным управлением в Екатеринодаре. Аулы же, расположенные в округах с русским населением при введении местного самоуправления должны были пользоваться правом представительства [6, л. 240].

Принимая во внимание абсолютное преобладание на Кубани русского населения, делегаты съезда отметили необходимость при выборах в разные учреждения по управлению областью соблюдать принцип гарантии представительства от меньшинства [6, л. 240]. Национальная автономия горцев Кубанской области и Черноморья должна была реализовываться через

избранные на съезде Горский Областной Кубанский Комитет и Горский Областной Кубанский Совет, перед которыми ставились следующие задачи: «1. Поддержание всеми мерами завоеваний революции и борьба с контрреволюцией; 2. Последовательное и планомерное проведение в жизнь начал, завоеванных революцией, и подготовка горского населения к выборам в Учредительное Собрание; 3. Охрана порядка и спокойствия в аулах; 4. Проведение в жизнь культурно-просветительских задач; 5. Возможно широкое ознакомление горского населения с текущим моментом путем воззваний, лекций и т.п.» [6, л. 239].

Содержание предложенного проекта национального самоопределения через автономию в рамках Российской Федеративной республики свидетельствует о том, что он исходил из конкретных реалий жизни народа и открывал возможности для его национально-демократического развития.

В числе важнейших политических вопросов, обсуждавшихся на съезде, был вопрос об объединении горцев с казаками в союз «с целью отстаивания своих интересов в смысле неприкосновенности, земли и политических идеалов, в будущем Учредительном Собрании» [19, с. 45]. Следует отметить, что в среде адыгов не было единства мнений по данному вопросу. Основная часть высказывалась за союз с казачеством, видя в нем наиболее влиятельную политическую силу, без содействия которой в условиях политического хаоса и ослабления центральной власти решение вопроса о повышении правового статуса адыгского народа не представлялось возможным. В результате деятельности по консолидации усилий казачества и горцев по вопросам защиты национальных интересов в буржуазных представительных органах власти возникло решение о создании межнационального регионального объединения Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. О его создании руководство Союза объединенных горцев и казачьи верхи провозгласили 20 октября 1917 г. во Владикавказе. Целью Юго-Восточного союза было формирование конфедерации автономных национально-государственных образований для совместного решения горской и казачьей элитой региональных проблем. Однако свою работу Союз так и не начал в связи с революционными событиями октября 1917 г., изменившими расклад политических сил в стране [17, с. 161].

Надо отметить, что среди адыгов были и те, кто был против союза с казаками. Данная позиция была обусловлена пониманием того, что между казаками и иногородними назревают серьезные противоречия, которые могут перейти в схватку с оружием в руках. Причиной тому было стремление казачьих верхов сохранить свои привилегии и главенство в Кубанской области. У горцев же не было причин ссориться с иногородними, они не претендовали на горские «гнилые клочки земли». Более того, осознавалось, что если «горцы пойдут на союз с казаками, то это для них кончится бедой» [18, с. 20].

Особенно активно данную точку зрения отстаивал Айдамир Намитоков. Он отмечал, что горцы Кубани и Черноморья живут «разбросанными» среди казачьих и иногородних поселений, что создает невыгодное положение при «возникновении каких-либо серьезных событий» [18, с. 20]. Как показала

история, данная точка зрения оказалась пророческой для адыгского народа. Примечательно, что сторонников объединения горцев с иногородним населением на съезде не нашлось [6, л. 239].

Революционные события в России позволили адыгам по новому поставить вопрос об исправлении последствий Кавказской войны. Принимая во внимание, что часть горского населения переселилась в Турцию после покорения Кавказа из религиозных и политических побуждений, съезд постановил: считать всех переселившихся в Турцию горцев «политическими эмигрантами и просить Временное правительство дать им возможность после окончания войны вернуться на Родину на правах граждан Российского государства» [6, л. 241].

Смелость и актуальность предложенного на съезде способа решения вопроса о горцах-переселенцах в Турции позволяет современным историкам расценивать решения, принятые на съезде, как «вершину» работы съезда [14, с. 110]. В целом уровень организации, характер выносимых на обсуждение вопросов и результаты работы Хакуринохабльского съезда позволяют говорить о способности политически активных адыгов ставить и решать наиболее важные вопросы общественной жизни.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. резко изменил ситуацию, обострив политические и социальные противоречия. В условиях углублявшегося социально-экономического, политического кризиса в России наметились серьезные изменения в политической ориентации адыгского населения Кубанской и Терской областей. Если Кубанской области, в условиях безусловного доминирования казачества, адыги были склонны продолжать курс на союз с ним в целях совместного решения региональных проблем, то адыгские общественные деятели Кабарды осуществляли политическую деятельность в условиях острого конфликта отдельных групп населения Терской области с казачеством.

Большое влияние на политическую ориентацию адыгов Кубани оказала политика лидеров кубанского казачества. Стремясь «заполучить» в лице адыгов союзника в борьбе за создание самостоятельной казачьей республики и антибольшевистской деятельности, они допустили в состав Кубанской законодательной рады девять представителей от горцев, причем шесть из них были адыги: Султан-Шахим-Гирей, Батир Малахов, Касполет Улагай, Гамид Трахов, Султан Крым-Гирей, Крым-Гирей Шеретлуков [2]. Более того, постановлением Краевой Законодательной Рады и Кубанского правительства адыги были уравнены в правах с казачеством. Тем самым казачество демонстрировало готовность содействовать горцам в решении вопроса о национальном самоопределении.

Такие политические деятели как С. Шахим-Гирей, А. Намитоков и М. Гатагогу откликнулись на этот посыл, продолжив курс на сближение с Кубанской краевой Радой, провозгласившей Кубань самостоятельной республикой, входящей в состав России на федеративных началах (8 января 1918 г.) Под лозунгом борьбы с большевиками и создания национальной автономии ими была проделана большая работа по мобилизации адыгского

населения в добровольческие отряды в помощь войскам краевого правительства. В начале февраля 1918 г. начинается формирование добровольческих отрядов из адыгов в помощь войскам краевого правительства под предводительством С. Килеч Гирея. Для каждого аула была установлена норма пропорционально населению для дачи вооруженных всадников. Помимо этого, объявлялась обязательная явка в распоряжение С. Килеч-Гирея всех ранее служивших в дикой дивизии. В результате данных мобилизационных мероприятий из адыгов-добровольцев был сформирован целый полк [19, с. 85-86]. «Я должен и считаю необходимым теперь указать на ту славную и доблестную роль в борьбе с большевизмом, какую проявили горцы Кубанского края. – отмечал войсковой атаман в своей речи на шестом заседании чрезвычайной Рады, – С первого же дня они заняли определенную позицию, противную Советской власти. С первого же дня здесь образовались воинские части из горцев, которые доблестно в то время служили...» [19, с. 85-86].

Обращаясь к деятельности политически активной группы адыгской интеллигенции в Раде, следует отметить, что она занимала достаточно четкую позицию, направленную не только на удовлетворение политических, социально-экономических интересов своего народа, но и на консолидацию всех сил в регионе для защиты достижений Февральской буржуазно-демократической революции. Адыги, члены Законодательной Рады, как ни одна другая региональная политическая сила, продемонстрировали политическую дальновидность в достижении общественного согласия на Кубани.

Как известно, одним из наиболее острых вопросов в регионе, имевшим первостепенную политическую значимость был аграрный вопрос. Адыги члены Рады, исходили из того, что земельные проблемы в крае должны были быть решены справедливо с учетом интересов всех групп населения как этнических, так и сословных, «что только учет интересов всех сторон в земельном вопросе принесет мир и спокойствие в край и объединит все региональные группы в борьбе с большевиками» [17, с. 152]. Кубанское же казачье войско стремилось во что бы то ни стало сохранить за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими ему землями [6, л. 5].

Именно адыги, члены Краевой Законодательной Рады, обращали внимание на то, что подобная позиция неминуемо приведет к конфликту интересов не только с горским населением, но и с иногородними, подталкивая их к сближению с большевиками. На заседаниях они настоятельно требовали от казачества поступиться частью своих земельных прав и тем самым предотвратить раскол в обществе. Показательным в этой связи было то, что в защиту иногородних, практически не имевших по новым кубанским законам никаких прав на землю, поднимали свой голос исключительно горские делегаты, «хотя положение горского населения было в новом государственном образовании значительно лучше иногороднего» [17, с. 152].

В частности, С. Шахим-Гирей настоятельно обращал внимание членов Рады на ненормальность отсутствия широких прав у иногороднего населения, подчеркивая, что это «особенно сильно отразилось на всех этапах кубанской революции» [5, л. 2]. Поддерживая эту точку зрения, М. Гатагогу отмечал:

«Решение данного вопроса может быть проведено только лишь уступками казаков в земельной области. Ибо до тех пор, пока казачество не поступится из своих прав в пользу иногороднего населения, до тех пор успокоения не будет» [5, л. 3].

Подобная позиция адыгских депутатов часто воспринималась, как действия, направленные против казачества, и всячески игнорировалась казачьими депутатами, не желавшими поступиться своими интересами. В результате огромная масса иногороднего населения, ущемленная в правах, оказала поддержку большевикам. Остается только предполагать, как могли развернуться события Гражданской войны на Кубани, если бы возобладали позиция адыгских представителей в Законодательной Раде.

Серьезный импульс политической переориентации буржуазно-демократического крыла адыгской интеллигенции дало сближение Кубанского правительства и Краевой Рады с белым движением. Стремление белых воссоздать Россию как единое и неделимое государство, нежелание допускать какой-либо национальной автономии никак не соответствовало устремлениям адыгской интеллигенции. Показательным являлся факт того, что адыгские представители в Кубанской Раде оказались в центре конфликта Кубанского правительства и генерала А.Деникина, не признававшего независимости Кубани.

Члены Рады С. Шахим-Гирей, М. Гатагогу и А. Намитоков активно отстаивали право Кубани на образование независимого государства и были на стороне «самостийщиков», стоявших на позициях конфедеративного устройства России, чего никак не желал допустить А. Деникин. Более того А. Намитоков являлся членом кубанской делегации, подписавшей в июле 1919 г. Договор дружбы в Париже между Кубанским правительством и Междлисом горских народов Кавказа, а также ходатайствовавшей перед президентом США В. Вильсоном о признании Кубани независимым государством.

В ответ А. Деникин издал приказ о предании военно-полевому суду всех членов парижской делегации. В свою очередь Кубанская Рада опротестовала данное решение [4, л. 9, 14]. Заслушав и обсудив приказ генерала А. Деникина, Рада признала, что он «нарушает суверенные права Кубанского края», и постановила «протестовать самым энергичным образом против означенного приказа генерала Деникина» и «требовать его срочной отмены» [8, л. 2].

В своем выступлении на заседании Рады С. Шахим-Гирей заявлял, что «Кубань – независимое государственное образование, а приказ ставит нас в состояние вассального подчинения Главнокомандующему. В этом акте нужно усматривать попытку установить диктатуру власти» [8, л. 2]. Вскоре результатом этого противостояния стал роспуск Рады. Распоряжением Командования белой армии на Юге России из пределов России были высланы с запретом въезда на время Гражданской войны 11 членов Рады, в числе которых были С. Шахим-Гирей и М. Гатагогу, ставшие, как и А. Намитоков, политическими эмигрантами [7, л. 122].

Высылка белой администрацией «из пределов России» наиболее радикально настроенных адыгских представителей в Раде, отстаивавших право

адыгов на национальную автономию, стала проявлением конфликта интересов. Великодержавная политика белых оттолкнула адыгов от союза с казачеством и заставила искать новых политических союзников. Часть адыгской интеллигенции пришла к мысли об отделении от России и создании в союзе с другими северокавказскими и закавказскими народами независимого государства.

Несколько иную направленность имела политическая деятельность адыгов Кабарды. 27 марта 1917 г. в Нальчике был образован Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет, в который вошли активные представители демократически настроенной интеллигенции Г. Сохов (председатель окружного исполкома), И. Абанокв, П. Коцев, М. Абуков, А. Кармов и др [13, с. 326]. Они считали, что Февральская революция открыла для горских народов большие возможности в области национального самоопределения и представления их интересов в центральных органах власти.

В этой связи интерес представляет выдержка из речи З. Даутокова-Серебрякова, произнесенной им на митинге в Пятигорске: «Спокойствие, порядок и законность должны для всех являться лозунгом дня и основанием деятельности. Новое право предоставляет всем слоям населения высказывать свою волю и участвовать в общей жизни. Рабочие, солдаты, крестьяне – все имеют легальные возможности заявить свои требования и добиться их осуществления. Т.е., кто покушается на изменение существующего порядка – суть насильники; им не дороги ни свобода, ни порядок» [29, с. 33]. В условиях фактического безвластия на Северном Кавказе в союзе с идейными лидерами других северокавказских народов Терека либерально настроенная горская интеллигенция попыталась сформировать самостоятельные органы власти.

О слабом распространении среди адыгов леворадикальной революционной идеологии свидетельствует тот факт, что в качестве кандидатов в Учредительное собрание по Терско-Дагестанскому избирательному округу от Нальчикского округа в ноябре 1917 г. от большевиков и эсеров были выдвинуты И.П. Осокин, А.П. Ратнер и А.И. Сахаров., т.е. среди них не оказалось ни одного этнического адыга при том, что адыгское население в Нальчикском округе преобладало над другими этническими группами. Этот факт нашел отражение в мемуарах свидетеля событий К.А. Чхеидзе, который отмечал, что сторонниками большевиков в Кабарде были, «главным образом русские по происхождению; русские и евреи» и что «среди кабардинцев стопроцентных большевиков не было ни одного» [29, с. 27, 28].

В конце 1917 – начале 1918 гг. в Кабарде действовали гражданские исполнительные комитеты, не признавшие новой власти [12, с. 25-27]. Следует отметить, что и в Советах рабочих и крестьянских депутатов, действовавших на территории Нальчикского округа и Терской области позиции большевиков не были сильны. Ведущую роль в них играли эсеры и меньшевики

Показателен обмен мнениями на совещании в Пятигорске 29 ноября 1917 г. В ответ на утверждение о том, что сама жизнь требует передачи власти Советам рабочих и солдатских депутатов З. Даутоков-Серебряков, представлявший на совещании кабардинский конный полк, заявил: «Здесь

высказывались мысли, что инициаторы передачи власти Советам тем самым защищают интересы горцев. За защиту – спасибо. Должен только указать, что большевистское царство в Пятигорске вызовет самое отрицательное отношение со стороны тех, кого вы собираетесь защищать. В Кабарде и Чечне могут совершенно не понять всех ваших благих порывов...» [12, с. 34]. Тем не менее, 4 марта на II съезде народов Терека большевикам удалось добиться признания Советской власти. В результате была провозглашена Терская республика, в состав которой вошла и Кабарда.

Однако «образец коллективной формы национальной государственности» обернулся ограблением Кабарды, поскольку под давлением Терской республики значительная часть кабардинских земель в соответствии с принципом социализации была отдана соседним народам. В итоге «провозглашение советской власти в Нальчикском округе привело к попранию национальных прав кабардинцев в самой важной сфере их жизнедеятельности» [1, с. 41, 42]. Массы адыгов Кабарды стали осознавать, что существование в составе Терской республики не отвечает их интересам. Это побуждало к выработке стратегии поведения, которая в наибольшей степени отвечала бы интересам национального развития. IV окружной народный съезд в августе 1918 г. признал незаконными действия Чрезвычайной земельной комиссии по отмежеванию кабардинских земель. Тем самым, по оценке В.Х. Кажарова, съезд «выступил в защиту территориальной целостности Кабарды» [1, с. 42, 43].

Принципиальную позицию в ходе съезда заняла духовная интеллигенция. Она настаивала на соблюдении Нальчикским округом нейтралитета в вопросах войны и мира. Данная позиция была продиктована желанием сохранения и без того малочисленного кабардинского народа. Хотя Нальчикский округ открыто не заявил о своем выходе из состава Терской республики решения съезда, в основной своей части, противоречили политике Терской республики и свидетельствовали о политической автономии округа. Следует отметить, что позитивное значение для дальнейшего развития округа имело то обстоятельство, что руководящее положение в органах власти заняли представители местной интеллигенции, имеющие достаточно большой профессиональный опыт административной работы и искренне озабоченные будущим народа.

В атмосфере национального подъема летом 1918 г. один из активных общественных деятелей Кабарды З. Даутоков-Серебряков выступил инициатором создания партии «Свободная Кабарда». Положения ее программы достаточно показательны и красноречиво говорят о политических устремлениях адыгов. В частности, в ней провозглашается право Кабарды устраивать свою жизнь на основах самоопределения. С этой целью предлагалось создание Национального Совета «для дел чисто кабардинских». Высказывалась необходимость иметь национальное войско «из честных людей без различия сословий», которое должно было защищать территориальную целостность Кабарды и положить конец увеличившемуся воровству и грабежам.

Учитывая, что З. Даутоков-Серебряков и его сторонники в советской исторической науке причислялись к реакционным кругам буржуазной

интеллигенции, следует остановиться на следующем пункте программы «Свободной Кабарды»: «Партия «Свободная Кабарда» выступает, главным образом, в защиту темного, неграмотного, запуганного простого народа, не знающего своих прав, полученной свободы. Князья и дворяне, которые желают народу блага, обязаны присоединиться к нам. Тех из них, кто вздумает становиться нам поперек дороги, партия объявит врагами Кабарды и предаст их беспощадному народному суду» [25, л. 32].

Содержание данного пункта никак не позволяет относить членов «Свободной Кабарды» к защитникам интересов эксплуататорской верхушки и «душителям свободы» кабардинского народа. Антибольшевистское вооруженное движение, возглавляемое З. Даутоковым-Серебряковым «подчинялось не интересам отдельных социальных групп, а интересам всего народа», пострадавшего в результате решения большевиками земельного вопроса в Терской области за счет кабардинских территорий [11, с. 275, 283].

Следует отметить, что движение, возглавляемое З. Даутоковым-Серебряковым, не имело исторических перспектив в условиях нараставшей борьбы более влиятельных политических сил. Понимал это и он сам. Поэтому в сложившихся политических обстоятельствах З. Даутоков-Серебряков пошел на союз с руководством Добровольческой армии. Его адъютант К.А. Чхеидзе по этому поводу писал: «При других обстоятельствах едва ли бы Заурбек признал нового вождя (имеется в виду генерал А. Деникин)... Но эта вынужденность признания, это «использование момента» и составляли некрасивую его сторону» [29, с. 104].

По мере развития революции адыги оказывались втянутыми в жесточайшую политическую борьбу. Переход части горского населения на сторону советской власти был обусловлен, с одной стороны, великодержавной политикой белого движения, которая грозила горцам возвратом в имперское прошлое, а с другой, грамотно организованной пропагандистской работой большевиков среди горцев Северного Кавказа.

Заявленные большевиками демократические принципы организации государственной жизни новой России, решительное отрицание всех и всяческих форм принуждения в отношении национальностей, отмена всяких национально-религиозных ограничений, признание права народов на самоопределение, призыв свободно и беспрепятственно устраивать свою национальную жизнь [9, с. 40] становились для народов Северного Кавказа более привлекательными, чем лозунг белого движения о «единой и неделимой России». В результате поддержку большевикам в годы Гражданской войны оказывала не только малочисленная леворадикальная часть адыгского общества, но и та, которая не разделяла политической доктрины большевиков.

Ярким результатом пропагандистской работы большевиков стало движение революционных мулл, получившее широкое распространение среди духовенства Кабарды. Характеризуя его горский отдел Государственного политического управления, докладывал в высшие партийные органы, что к активному участию на стороне Советской власти в годы Гражданской войны

«их побуждало скорее бывшее царское иго, чем преданность совласти» [20, л. 22-24].

В сложившихся политических обстоятельствах именно с Советской властью они связывали возможность реализации своих надежд относительно национального самоопределения и организации общественной жизни народа на основах шариата. Основную массу революционных мулл составили выходцы из адыгской так называемой трудовой крестьянской среды. Принимая деятельное участие в становлении Советской власти на Северном Кавказе, они полагали, что «шариат и советская власть совместимы, т.е. могут работать в контакте» [26, л. 48].

Искренне поверив в возможность революционных преобразований, исходя из исламских традиций часть северокавказского мусульманского духовенства выдвинула лозунги: «За советскую власть, за шариат!», «Национально-освободительного движения» и т.п. [28, л. 15]. По признанию белой администрации именно мусульманское духовенство Кабарды, являясь «корнем большевистской агитации в 1918 году», стало во главе революционного движения [28, л. 15]. Положительную роль мусульманского духовенства Кабарды в борьбе с «остатками феодализма и царским абсолютизмом» признавали и большевики, отмечая, что этому, главным образом способствовала принадлежность мулл в абсолютном большинстве к сословию крестьян и отказ царского правительства в привилегиях мусульманскому духовенству, коими пользовалось православное духовенство [26, л. 47].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что революционные события в России резко активизировали национальное движение на Северном Кавказе, во главе которого стала национальная интеллигенция. Основным содержанием общественно-деятельности адыгской интеллигенции, не смотря на разнообразие существовавших политических позиций, было оформление национального суверенитета своего народа.

Содержание и направленность общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции определялось во многом внешними факторами. Не смотря на это, она выступила как достаточно независимая сила в смысле выбора политических ориентиров. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил интеллигенция пыталась ориентироваться на те, которые в наибольшей степени были способны содействовать решению национальных проблем адыгов. При этом она часто оказывалась гораздо более индифферентной в отношении социально-экономической и классовой политики борющихся за власть политических сил. По мере развития революции углублялась политическая поляризация адыгской интеллигенции. Помимо ее воли, она оказывалась втянутой в жесточайшую политическую борьбу.

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-фа, 1999. – 183 с.

2. *Вольная Кубань*. – № 66. – 1 октября 1917 г.
3. *Государственный архив* Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 799. – Оп. 1. – Д. 11.
4. *ГАКК*. – Ф. Р-1542. – Оп. 1. – Д. 7.
5. *ГАКК*. – Ф. Р-1542. – Оп. 1. – Д. 18.
6. *ГАКК*. – Ф. Р-1542. – Оп. 1. – Д. 11.
7. *ГАКК*. – Ф. Р-1542. – Оп. 1. – Д. 16.
8. *ГАКК*. – Ф. Р-1542. – Оп. 1. – Д. 109.
9. *Декреты Советской власти*. – Т.1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Госполитиздат, 1957. – 627 с.
10. *Емтыль З.Я.* Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. 20-х гг. XX в. в очерках и документах. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2016. – 228 с.
11. *Жанситов О.А.* Антибольшевистское движение в Кабарде и Балкарии под руководством З. Даутокова-Серебрякова // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНИ РАН. – Нальчик, 2002. – № 9. – С. 275-284.
12. *История Кабардино-Балкарской АССР*: в 2-х т. Т. 2. С Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – М.: Наука, 1967. – 439 с.
13. *История многовекового содружества*. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.
14. *Кошев М.А.* Штрихи в северокавказском политическом процессе 1917 г. // Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках иллюстрациях и документах (конец XIX – XX вв.). – Майкоп: Качество, 1999. – 195 с.
15. *Кубанские областные ведомости*. – 14 марта 1917 г.
16. *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 328 с.
17. *Машишлев Р.М.* Адыги Северо-Западного Кавказа в революционных событиях и гражданской войне (1917-1920). Дисс... канд. истор. наук. – Армавир, 2005. – 178 с.
18. *Намитокovy: память рода / составители Р.Ю. Намитокова, Н.А. Нефляшева, И.А. Нефляшева*. – Майкоп: Качество, 2004. – 196 с.
19. *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыги до и после Октября. – Ростов н/Д: Крайиздат, 1927. – 181 с.
20. *Российский государственный архив* социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 112. – Д. 385.
21. *Очерки истории Адыгеи*: в 2-х т. Т. 2. Советский период. – Майкоп: Адыг. отд-ние краснодар. кн. изд-ва, 1981. – 368 с.
22. *Союз объединенных горцев* Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918). Горская республика (1918-1920). Документы и материалы. – Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, 1994. – 438 с.
23. *Сталин И.В.* Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. – М., 1951. – Т. 4. – С. 155-167.
24. *Хакуашева М.А.* Новые сведения к биографии Нури Цагова // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНИ РАН. – Нальчик. 2003. – Вып. 10. – С. 3-10.
25. *Центральный государственный архив* Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). – Ф. Р-197. – Оп. 1. – Д. 38.
26. *Центр документации* новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (ЦДНИ КБР). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 80.
27. *ЦДНИ КБР*. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 36.
28. *ЦДНИ КБР*. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 45а.
29. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. – Нальчик: КБГИИ, 2008. – 120 с.

## АДЫГСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОБЫТИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА 1917-1920 гг.: СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

**З.Я. ЕМТЫЛЬ**

*Кубанский государственный технологический университет  
350072, Россия, г. Краснодар, ул. Московская, 2  
E-mail: [adg1070@gmail.com](mailto:adg1070@gmail.com)*

**Аннотация.** В статье на широком фактическом материале исследуется общественно-политическая деятельность адыгской интеллигенции в период революционных преобразований в России 1917-1920 гг. Выявляются направленность и формы политической активности интеллигенции. Делается вывод о том, что основным ее содержанием являлось повышение политического, правового и социального статуса адыгов. В новых политических обстоятельствах интеллигенция ощутила не только возможность создания условий для сохранения национальной, культурной самобытности своего народа, но и его самоопределения. Содержание и направленность общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции определялось во многом внешними факторами. Не смотря на это, она выступила как достаточно независимая сила в смысле выбора политических ориентиров. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил интеллигенция пыталась ориентироваться на те, которые в наибольшей степени были способны содействовать решению национальных проблем адыгов.

**Ключевые слова:** адыги; иногородние; казачество; национальная интеллигенция; национальное самоопределение; национальное самосознание.

## ADYGHE INTELLIGENTSIA IN THE COURSE OF REVOLUTIONARY DEVELOPMENTS IN 1917-1920: SUBJECT AND GOALS OF SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITIES

**Z.YA. EMTYL**

*Kuban State Technological University  
350072, Russian Federation, Krasnodar, Moskovskaya street, 2  
E-mail: [adg1070@gmail.com](mailto:adg1070@gmail.com)*

**Abstract.** In this article on the wide circle of practical materials the social and political activity of Adyghe intelligentsia in the period of the February Revolution's transformations in Russia of 1917-1920 is studied. The trend and forms of political activity of Adyghe intelligentsia are revealed. It is concluded that its main aim was the increase of political, legal and social status of the Adyghes. In the new political conditions intelligentsia felt not only the possibility of creating the conditions for saving national, cultural originality of their people but also of its self-determination. The essence and direction of the social and political activity of Adyghe intelligentsia was determined mainly by the external factors. Despite this, it performed as power independent enough in the meaning of choosing the political guidelines. In this complicated period of the opposition between different social and political powers the intelligentsia tried to orientate for those which at least were able to promote solving the national problems of the Adyghes.

**Key words:** Adyghes; nonresidents; Cossacks; national intelligentsia; national self-determination; national self-consciousness.